

поворотим и в донушко поколотим» (последние слова — излюбленное при- словье настоятеля Святогорского монастыря, большого охотника до ро- ма). Почти текстуально совпадает с Фальстафом словесный портрет Вар- лаама. Глядя на него и импровизируя мнимые приметы беглеца из Москвы, Григорий читает: «А лет ему... за пятьдесят» («На вид ему лет пятьдесят или шестьдесят», — говорит о себе сам Фальстаф у Шекспира; «ему уже за пятьдесят», — вторит этому Пушкин в заметке о Фальстафе). Основная черта внешнего облика Фальстафа — невероятная толщина и огромный живот, десятками грубо натуралистических метафор и сравнений обыгры- ваемый принцем Гарри и другими персонажами шекспировской хроники. «Все мое достояние упрятал в свое толстое брюхо» (fat belly), — жалуется на него хозяйка трактира. Толстый живот указывает в качестве единст- венной и достаточной приметы, по которой все сразу узнают Фальстафа, пришедший арестовать его шериф. «Брюхо толстое», заканчивает перечень «примет» пушкинского Варлаама Григорий. Кстати, эпизод с чтением этих примет по существу аналогичен тем «розыгрышам» Фальстафа, которыми переполнена шекспировская хроника. Только там они носят шуточный характер, а у Пушкина в данной ситуации подобная «шутка» (см. реплику Варлаама: «А молод еще надо мною шутки шутить. Я давно не читывал и худо разбираю, а тут уж разберу, если дело до петли доходит») оказы- вается далеко не шуточной. Наконец, как еще одну характерно совпадаю- щую деталь напомним, что единственная сцена в трагедии Пушкина с учас- тием Варлаама, как и все наиболее характерные сцены с Фальстафом в хронике Шекспира, происходит в трактире: у Шекспира в «таверне», у Пушкина в «корчме» (кстати, «корчма» привнесена Пушкиным; у Карам- зина Григорий с двумя его спутниками заходит по пути к Литовской гра- нице в частный дом к некой женщине, которая потчует их и указывает им дорогу).

Все только что приведенное, полагаю, достаточно убедительно свиде- тельствует, что в процессе работы над образом Варлаама в творческом со- знании Пушкина «присутствовал» в качестве своего рода «модели» (в данном случае уместно употребить это слово) тот образ, который Пушкин считал характерологическим шедевром из шедевров шекспировского творчест- ва. Но это ни в какой мере не умаляет не только исключительной художест- венной выразительности, но и «народности» образа Варлаама.

Байрон, узнав, что Гёте усмотрел в его «Манфреде» влияние своего «Фауста», и придя в крайнее раздражение, стал в свою очередь «разбирать по кусочкам» великое гётевское творение, указывая на наличие в нем ряда заимствований из различных литературных источников. Гёте заметил на это (и здесь проявилось все различие натур его и Байрона), что он из- брал неверный способ защиты, ибо писателю не следует всегда и во всем «гнаться за оригинальностью»: «Все, что у меня, — мое! — должен был бы он сказать, — а взял ли я это из жизни или из книги — не все ли рав- но? Вопрос лишь в том, хорошо ли это у меня вышло! Вальтер Скотт исполь- зовал одну сцену из моего „Эгмонта“ и имел на это право, и так как он сде- лал это разумно, то его следует похвалить. Точно так же он использовал характер моей Миньоны в одном из своих романов, но сделал ли он это мудро — это другой вопрос... Мой Мефистофель поет песню, взятую у Шек- спира, и почему бы ему этого не делать? Почему мне нужно было бы му- читься и выдумывать свою, когда шекспировская как раз подходит и говорит именно то, что мне нужно. И поэтому, если даже пролог моего Фауста име- ет сходство с экспозицией Иова, то это опять-таки очень хорошо, и меня за это нужно хвалить, а не порицать»⁶.

Подобные «заимствования» из Шекспира имеются и в творчестве Пуш- кина. В одном из его шедевров — «Каменном госте» — Дон Гуан в сцене обольщения вдовы убитого им на дуэли командора, перед которой он

⁶ Эккерман И. П. Разговоры с Гёте, М. — Л., «Academia», 1934, с. 266, 267.